

СТЕЛЛА СКАЙ

ПРОЩАЙ!

Я НЕ ТВОЯ ДУРОЧКА

Стелла Скай

Прощай! Я не твоя дурочка

<https://litres.ru/74408299>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мини-роман!

- Ты меркантильная! - заорал мужчина, которого я любила. - Я раньше не замечал, а сейчас прям вижу!

- Никит, ты предлагаешь продать единственное жильё, которое у меня есть. Давай сначала поженимся. Или оформим так, чтобы моя часть была защищена.

- Ты серьёзно?! Хочешь бумажку, что я тебя не обманываю?
- Никита настолько резко отодвинул чашку, что кофе плеснул на стол. - Вера, ты вообще слышишь себя?

- Мне нужна не бумажка, а уверенность, что не лишусь просто так своей квартиры.

Никита усмехнулся, но как-то неприятно, без прежней мягкости.

- Твоей квартиры? Мы вообще-то говорим о нашем будущем.

Раньше я считала, что это нормально - когда мужчина говорит снисходительно, а ты молчишь, чтобы не испортить вечер. Когда он решает за двоих, а ты благодаришь за заботу. Когда твоё постепенно становится общим, а его почему-то остаётся только его.

Но в тот вечер я наконец поняла: он хотел не семью. Он хотел удобную женщину с квартирой.

Ну нет, удобной душой я больше не буду!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Стелла Скай

Прощай! Я не твоя дурочка

Глава 1

- Ты серьёзно, хочешь бумажку, что я тебя не обманываю?
- Мой парень настолько резко отодвинул чашку, что кофе плеснул на стол. - Вера, ты вообще слышишь себя?

Я стояла у раковины с мокрой губкой в руке и смотрела на коричневое пятно, которое расползлось по нашей единственной нормальной скатерти. Кухня у Никиты была маленькая: стол у стены, два стула, холодильник, который открывался только наполовину, потому что мешал подоконник. Мы жили тут почти два года, и я привыкла.

- Мне нужна не бумажка, - я положила губку на край мойки и вытерла руки полотенцем. - Мне нужна уверенность, что не лишусь просто так своей квартиры.

Никита усмехнулся, но как-то неприятно, без прежней мягкости.

- Твоей квартиры? Мы вообще-то говорим о нашем будущем. О нормальной двухкомнатной, где наконец можно будет жить как люди.

- На мои деньги от продажи бабушкиной однушки.

- На первый взнос, - он поднял палец, будто объяснял

очевидное. - Ипотеку буду платить я. У тебя зарплата пока смешная, банк на тебя даже не посмотрит.

Вот это «смешная» зацепило. Я только полгода как закончила институт и устроилась в архитектурное бюро помощником проектировщика. Да, денег было немного. Да, я приходила домой уставшая, иногда с рулонами чертежей и ноутбуком, который зависал в самый неподходящий момент. Но это была моя работа, мой старт, мои первые проекты, пусть пока и на подхвате.

- Поэтому я и говорю: давай сначала поженимся. Или оформим так, чтобы моя часть была защищена. Доли, договор, что-то юридическое. Я пока не знаю, как правильно, но можно узнать.

Никита медленно откинулся на спинку стула.

- Ага. То есть ты уже считаешь, как бы на мне подзаработать.

Я осторожно поставила чашку на стол, чтобы она не стукнула.

- Подзаработать на тебе? Никит, ты предлагаешь продать единственное жильё, которое у меня есть.

- Не единственное. Ты живёшь у меня.

- У тебя. Именно.

Он прищурился.

- Ну вот, наконец-то. Значит, всё это время ты считала мою квартиру чужой?

Я посмотрела на его футболку, на стул с отломанной пе-

рекладиной, магнетики на холодильнике с наших поездов. Чужой я эту квартиру не считала. Я мыла тут окна, покупала занавески, выбирала лампу в спальню, ругалась с доставкой дивана, когда они хотели отказаться поднимать его. Но в документах эта квартира была Никитиной. И он сам не раз напоминал об этом в шутку.

- Это моя берлога, - любил он повторять, с улыбкой обнимая меня за плечи. - Я тебя сюда пустил по большой любви.

Раньше я смеялась. Теперь почему-то вспомнила каждое такое «пустил».

Идея с продажей моей однушки появилась не сразу. Сначала Никита просто жаловался, что нам тесно. Потом начал показывать мне объявления: светлая двушка у метро, кухня побольше, лоджия, рядом парк. Я тоже смотрела и представляла, как поставлю рабочий стол у окна, как у нас будет нормальный шкаф, как мы перестанем сушить бельё прямо в комнате.

- Смотри, если твою продать, получится отличный первый взнос, - однажды он положил телефон передо мной за ужином. - И платеж нормальный будет. Я потяну.

- А твоя квартира?

- Останется. Сдавать будем или пусть стоит. Как страховка, на всякий случай..

- Страховка для кого?

Никита тогда рассмеялся и щёлкнул меня по носу.

- Для нас, глупая.

Я тогда не придавала этому значения. Ну хочет человек оставить своё жильё, логично. Только потом начала считать. Моя квартира уходит в первый взнос, ипотека на нём, новая квартира оформляется на него, потому что банк и зарплата. Его старая квартира остаётся за ним. А я - с красивой идеей о «нас» и без того, что бабушка оставила мне, повторяя: «Верочка, пусть будет угол, мало ли жизнь как повернётся».

Бабушка умерла три года назад. В её однушке ещё пахло лавандовым мылом и старой мебелью. Я долго не могла сдать её, всё казалось предательством. Потом сделала небольшой ремонт, пустила аккуратную студентку, а деньги откладывала. Никита сначала относился спокойно. Потом стал всё чаще говорить, что «квартира простаивает неэффективно».

Позавчера студентка съехала: у неё закончился договор, она переехала ближе к институту, а новых жильцов я ещё не успела найти.

- Никит, я не против большой квартиры, - я села напротив него, стараясь говорить спокойно. - Я против того, чтобы продать своё и остаться ни с чем, если вдруг мы расстанемся.

Он резко поднял глаза.

- То есть ты уже планируешь расстаться?

- Я планирую не быть душой.

- Отлично, - он хлопнул ладонью по столу. - Значит, я дурак, потому что доверяю тебе.

- Ты мне предлагаешь довериться полностью. А сам свою квартиру не продаёшь.

- Потому что что-то должно остаться на всякий случай! - У него сорвался голос, и он сразу понизил его, но поздно. - Вдруг что-то пойдет не по плану.

Никита замолчал. На плите тихо булькал суп, крышка подрагивала, и я почему-то вцепилась взглядом в эту крышку, чтобы не смотреть ему в глаза. Мне уже было понятно, что разговор идёт не туда, но остановиться я не могла.

Глава 2

- Давай так, - он поставил кружку и встал. - Я завтра позвоню риелтору. Пусть оценит твою квартиру. А ты пока перестань накручивать.

- Без моего согласия никто ничего оценивать не будет.

- Вера, - он посмотрел на меня в упор, - не превращай нормальную идею в балаган. Мы семья.

- Мы не женаты.

Он усмехнулся.

- Вот оно. Всё к свадьбе свела.

- Нет. Я свела всё к тому, что ты хочешь забрать мою квартиру в первый взнос, а свою оставить запасным вариантом.

Никита посмотрел на меня так, будто я сказала что-то грязное.

- Ты меркантильная. Я раньше не замечал, а сейчас прямо вижу. Только и думаешь, как бы своё прикрыть, как бы выгоду не упустить. Я собираюсь ипотеку тащить, а ты уже делишь, что кому достанется.

- Потому что я вкладываю то, что у меня уже есть.

- Да что у тебя есть? Однушка от бабушки и зарплата стажёра?

Фраза повисла между нами, и он, кажется, сам понял, что сказал лишнее. Но извиняться не стал. Только отвернулся к окну и начал листать что-то в телефоне.

Я вышла из кухни. В спальне на спинке стула висела моя домашняя кофта, на тумбе лежала книжка с закладкой, из-под кровати выглядывала коробка с зимней обувью. Мои вещи были везде, но вдруг появилось ощущение, что временно.

На следующий день Никита вёл себя так, будто разговора не было. Утром поцеловал меня в плечо, пока я чистила зубы.

- Не дуйся. Вечером заедем посмотрим ту двушку на Соколиной.

Я сплюнула пасту, ополоснула щётку и посмотрела на него в зеркало.

- Я никуда не поеду.

- Вер, ну хватит.

- Я хочу сначала поговорить с юристом.

Его лицо сразу стало жёстким.

- С юристом? Ты уже людей подключаешь?

- Да. Чтобы понимать, как это оформляется.

- Никак это не оформляется, когда люди друг другу доверяют.

- Значит, мы оформим именно потому, что доверяем. Чтобы потом не бояться.

Он засмеялся коротко и зло.

- Красиво загнула. Только я не идиот. Ты хочешь, чтобы квартира была твоя, а ипотеку платил я.

- Я хочу, чтобы мой первый взнос не растворился.

- Тогда живи со своей однушкой, - он бросил полотенце в раковину. - Так тебе, видимо, спокойнее.

На работе я весь день путала размеры в чертежах. Начальница дважды возвращала мне файл с красными пометками, а я кивала и переделывала, хотя в голове звучало только одно. «Да что у тебя есть?» В обед я нашла номер юриста, которого посоветовала коллега, и написала ему. Он прислал длинное сообщение про доли, брачный договор, соглашения, риски при покупке до брака. Всё оказалось не таким уж сложным. И именно это окончательно меня добило: если человек хочет честно, способы есть.

Вечером я пришла домой и застала Никиту на кухне с ноутбуком. На экране было объявление о продаже моей квартиры.

- Ты что делаешь?

Он даже не смутился.

- Просто смотрю рынок.

- С фотографиями моей квартиры?

- Я взял из твоей папки. Там удачные снимки после ремонта. Не истери, я ничего не публиковал.

Я подошла ближе. Черновик объявления был готов: район, метраж, этаж, ремонт, цена.

- Никита, удали.

- Сначала посмотри цену. Нам хватит на первый взнос и ещё на мебель останется.

- Удали.

Он захлопнул ноутбук.

- Ты ненормальная. Я стараюсь для нас, а ты ведёшь себя так, будто я тебя обираю.

Я стояла в дверях кухни и очень ясно понимала всю схему без его ласковых слов. Моя квартира продаётся. Его остаётся. Новая - на нём. Я радуюсь «нашему будущему», а он в любой момент может сказать: «Возвращайся к себе, ты мне надоела». Только однушки уже не будет.

- Я сегодня уеду.

Никита сначала даже не понял.

- Куда?

- К себе.

- В эту свою бабушкину клетушку?

- В свою квартиру.

Он резко встал, уронив стул.

- Ты сейчас из-за объявления уходишь?

- Из-за тебя.

- Вера, не делай глупостей. Ты потом пожалеешь.

- Возможно. Но квартиру я не продам.

Я быстро собрала вещи. Не все. Только документы, ноутбук, одежду на первое время, бабушкино кольцо из шкатулки и кружку, которую почему-то не хотела оставлять. Никита ходил за мной из комнаты в комнату, то злился, то пытался мягко говорить.

- Ну останься, обсудим нормально.

- Мы уже обсудили.

- Вера, ну что ты как маленькая? - он прислонился плечом к косяку, попытался улыбнуться, но губы дёрнулись зло. - Я тебя люблю, дуручка. Просто ты всё неправильно поняла.

Я застегнула молнию на косметичке.

- Не называй меня так.

- Как? Дуручкой? Да я же любя.

- Вот именно. Не надо меня любя унижать.

Он выпрямился, и мягкость с лица исчезла почти полностью.

- Без меня ты не вывезешь. С твоей зарплатой будешь считать каждую копейку.

Я взяла ноутбук, положила сверху зарядку и посмотрела ему прямо в глаза.

- Зато каждая моя.

Он фыркнул.

- Сильная независимая, да? На бабушкиной квартире далеко уедешь?

Я прошла мимо него в коридор. В руках было две сумки, пальцы сразу заболели от тяжести, но ставить их на пол не хотелось. Если поставлю - он снова начнёт уговаривать, давать, трогать за плечо, смотреть этим взглядом, в котором всегда читалось: «Ну куда ты денешься».

- Ключи оставишь? - Никита остановился в коридоре.

Я достала связку из кармана, сняла свой ключ от его квартиры и положила на тумбу.

- Вот.

- То есть всё? - он взял ключ двумя пальцами, будто это была какая-то грязная вещь. - Два года просто выкинула?

- Нет. Забираю себя из места, где моё уже почти продали за первый взнос.

- Иди. Только потом не прибегай.

Я вышла на лестничную площадку. Лифт, как назло, был где-то наверху, долго гудел, ехал, останавливался на каждом этаже. Сумки тянули плечи вниз, ручка ноутбука больно впивалась в ладонь. За дверью Никита что-то уронил в прихожей, потом громко выругался. Я стояла и смотрела на серую кнопку вызова, пока не поняла, что улыбаюсь. Мне не было весело, я была на грани нервного срыва.

Глава 3

В своей однушке первое время было непривычно тихо. Когда съехала квартирантка, я с досадой подумала, что квартира снова начнёт тянуть деньги, а теперь стояла посреди комнаты и понимала: хорошо, что не успела найти новых жильцов.

На полу лежал мой чемодан, у стены - старый бабушкин диван, на кухне - табуретка с облезлым краем. На подоконнике почему-то остался маленький кактус в треснувшем горшке - видно, бывшая квартирантка забыла или решила не забирать. Квартира была маленькая, с узким коридором и ванной, где колени почти упирались в стиральную машинку.

Но это было моё.

Не «пока живи». Не «я тебя пустил». Не «давай продадим ради нашего будущего».

Моё.

Я вымыла окна, переставила стол к батарее, сняла старые занавески и купила самые простые белые. Первые ночи спала плохо: просыпалась от каждого звука в подъезде, потом вспоминала, что Никита не откроет дверь своим ключом, не зайдёт на кухню с раздражённым лицом, не начнёт снова объяснять, какая я неблагодарная.

Денег было мало. Очень. Я перестала покупать кофе навынос, брала обеды из дома, подсчитывала стоимость продук-

тов в корзине до кассы и радовалась, когда удавалось поймать скидку на нормальный сыр. На работе сидела дольше всех. Делала визуализации, правила чужие чертежи, брала мелкие подработки у знакомых дизайнеров. Иногда засыпала прямо с ноутбуком на коленях, а утром просыпалась с квадратным отпечатком клавиатуры на руке.

Никита сначала писал.

«Остынешь - поговорим».

Я не отвечала.

Через два дня:

«Ты же понимаешь, что поступила глупо? Мы могли нормально всё оформить потом».

Потом:

«Вера, я правда хотел как лучше. Ты просто испугалась ответственности».

Я читала эти сообщения по дороге на работу, в метро, зажатая между женщиной с пакетом яблок и парнем в огромных наушниках. Хотелось написать: «Нет, Никит, я испугалась не ответственности. Я испугалась тебя». Но я убирала телефон в карман. Любой ответ был бы ниткой, за которую он бы снова начал тянуть.

Через неделю он пришёл.

Я как раз стояла на кухне и ела гречку из маленькой кастрюли. Даже в тарелку не переложила, устала после работы так, что сил хватило только включить чайник. Звонок в дверь прозвучал резко, два раза подряд. Я посмотрела в гла-

зок и сразу отступила.

Никита стоял на площадке с букетом. Большие белые розы, такие торжественные, будто он пришёл мириться после обычной ссоры, а не после попытки лишить меня единственного жилья.

- Вера, открой.

Я молчала.

- Я знаю, что ты дома. У тебя свет горит.

Я прислонилась спиной к стене. В руках всё ещё была ложка.

- Нам надо поговорить, - он стукнул по двери. - Я не собираюсь тут стоять до утра.

- Не стой, - я наконец ответила, но дверь не открыла. - Езжай домой.

- Я хочу как лучше, понимаешь? - голос за дверью стал резче. - Мы могли из этой твоей коробки сделать нормальный первый взнос. А ты сидишь там и с гордостью думаешь, что победила.

- Никита, уходи.

- Открой дверь. Я цветы принёс.

Я посмотрела на старый чуть кривой коврик в прихожей. Бабушка когда-то купила его на рынке.

- Мне не нужны цветы.

- Конечно. Тебе нужны юристы, договора и доли. Ты вообще понимаешь, как унизила меня? Я мужик или кто? Я хотел взять ипотеку на себя, платить, тянуть всё, а ты меня

в воры записала.

Я открыла замок, но оставила цепочку. Дверь приоткрылась на ладонь. Никита сразу попытался заглянуть внутрь.

- Вот так теперь? Через щёлку?

- Так спокойнее.

Он посмотрел на цепочку и усмехнулся.

- Боишься меня?

Я не стала отвечать. Он попытался просунуть букет, но я не взяла.

- Вера, ну хватит. Мы оба наговорили лишнего. Подумаешь, объявление посмотрел. Я же не продал твою квартиру без тебя.

- Не смог бы.

- Вот видишь! - Он раздражённо дёрнул рукой, едва не выронив букет. - Ты вечно цепляешься к словам. Я хотел ускорить процесс. Ты сама тянула.

- Потому что не хотела продавать без гарантий.

- Какие гарантии, если люди любят друг друга? - он наклонился ближе к щели, и перешёл почти на шёпот. - Ты же понимаешь, что нормальный мужчина после такого не будет долго бегать за тобой. Я пришёл. Я сделал шаг. Дальше думай сама.

Глава 4

Раньше эти слова сработали бы. Я бы испугалась, что он уйдёт насовсем, что останусь одна, что «нормальный мужчина» действительно не будет терпеть мои сомнения. Но сейчас я стояла в своей прихожей в старых домашних штанах с ложкой в руке и почему-то думала только о том, что гречка остывает.

- Я уже подумала.

Он побледнел от злости.

- Ты пожалеешь.

- Возможно.

- Смешная ты, Вера. Работаешь за копейки, живёшь в бабушкиной клетушке и строишь из себя хозяйку жизни.

- Зато эту клетушку ты не сможешь выставить на продажу.

Он ещё секунду смотрел на меня, потом бросил букет к двери. Розы ударились о косяк, одна головка отломилась и покатилась к лифту.

- Оставайся со своими принципами, - Никита развернулся. - Может, они тебя согреют.

Я закрыла дверь, сняла цепочку, потом снова поставила. Букет так и остался за дверью до утра. Не потому что я хотела устроить демонстрацию. Просто не могла заставить себя его поднять. Утром цветов уже не было. Видимо, соседка забрала или уборщица выбросила. Но мне стало легче, что

не пришлось убирать их самой.

После этого Никита сменил тактику. Начал писать моей маме.

Мама позвонила мне вечером. Я как раз прикалывала на стену бумажный календарь, чтобы отмечать сроки проектов.

- Доченька, Никита мне написал.

Я замерла с кнопкой в руке.

- И?

- Я ему не ответила. Хотела сначала тебя услышать.

Я села на диван, поджала ноги.

- Мам, он хотел, чтобы я продала квартиру. Свою. А новая была бы на нём, потому что ипотека на нём. Его квартира оставалась бы его. Когда я попросила оформить мою часть, он назвал меня меркантильной.

На том конце несколько секунд было слышно только то, как мама чем-то стучит на кухне.

- Бабушка бы ему сковородкой дала.

Я неожиданно рассмеялась. Коротко, с облегчением.

- Папа так же думает?

- Папа уже собирался ехать к нему разговаривать. Я оставила. Пока.

- Не надо.

- Не надо, - мама вздохнула. - Но если он придёт что-то требовать, звони сразу.

Он пришёл ещё раз через две недели. Уже без цветов. В куртке, с уставшим лицом, будто я испортила ему жизнь.

- Я на пять минут.

Я не хотела открывать, но он стоял тихо, соседи проходили мимо, смотрели. Я впустила его, и мы прошли в комнату.

Никита огляделся. Увидел стеллаж с книгами, старый диван с новым пледом, мой рабочий стол у окна.

- Неплохо устроилась.

- Что ты хотел?

Он вынул из кармана телефон, открыл фото той самой двушки, которую мы когда-то смотрели в объявлениях.

- Её ещё не купили. Риелтор сказал, продавцы готовы немного уступить. Мы можем успеть.

Я медленно положила ладонь на спинку стула.

- Ты серьёзно?

- Да. Я серьёзно. Вера, это шанс. Потом таких вариантов не будет. Большая кухня, парк рядом, нормальный дом. Хватит сидеть и строить из себя гордую обиженку.

- Никита, я не продаю квартиру.

Он опустил телефон.

- Ты просто упрямая. Ты не видишь дальше своего носа.

- Я вижу, что ты снова пришёл за моей квартирой.

- Да что ты заладила! - он резко повысил голос, потом осёкся и посмотрел на дверь. - Я пришёл за тобой.

- Почему твоё “Пришел за тобой”, звучит так, как будто ты пришел за моей квартирой?

Он сжал телефон так, что побелели костяшки.

- Хорошо. Давай по-честному. Если мы оформим долю,

как ты хочешь, я буду платить ипотеку, а ты будешь числиться собственницей. Это нормально? Я работаю больше, зарабатываю больше, рискую больше, а ты защищаешься.

- Ты свою квартиру продаёшь?

- Нет.

- Тогда разговор окончен.

Он прошёлся по комнате, остановился у окна, посмотрел во двор. На подоконнике стоял тот самый кактус от квартирантки.

- Вот из-за таких, как ты, мужчины и не хотят жениться.

Всё превращаете в расчёт.

- А из-за таких, как ты, женщины начинают читать документы до того, как влюбиться.

Он резко обернулся.

- Ты стала злой.

- Нет. Просто перестала быть удобной.

Он ушёл не сразу. Сначала пытался вспомнить хорошее: как мы ездили в Сочи, как выбирали диван, как он встречал меня после защиты диплома с пиццей и шариками. Я слушала и почти видела того Никиту, которого любила.

- Мы же правда были счастливы, - он говорил уже тише, сидя на краю дивана. - Ты просто испугалась.

- Я не спорю, что были хорошие дни.

- Тогда зачем всё ломать?

Я посмотрела на его руки. Эти руки два года обнимали меня, ставили чайник, чинили полки, гладили по спине, ко-

гда я плакала от усталости. И эти же руки открыли ноутбук с черновиком объявления о продаже моей квартиры.

- Потому что хорошие дни не отменяют плохих поступков.

Он встал.

- Ты выбрала квартиру вместо меня.

- Нет. Я выбрала себя.

После этого он исчез почти на месяц. Я думала, всё закончилось. Работала, училась жить по расписанию, где никто не ждал ужин к семи и не обижался, если я задержалась. Мне перевели небольшой аванс за подработку, и я купила нормальный матрас. Продавец в магазине долго рассказывал про пружины, жёсткость, ортопедические свойства, а я стояла между рядами кроватей и думала, что давно не покупала что-то большое только для себя.

Когда матрас привезли, грузчики занесли его в комнату, поставили к стене. Я расписалась в накладной, закрыла дверь и легла прямо на упаковку. Через минуту рассмеялась. Одна, в пустой комнате, на матрасе в плёнке. Бабушка бы покачала головой и велела сначала простыню постелить.

Глава 5

Никита снова появился после того, как я выложила в соц-сети фото стола у окна: ноутбук, чертежи, чашка, кактус. Без подписи, просто обычный снимок. Он написал почти сразу.

«Радуетесь?»

Я не ответила.

«Я понял. Тебе не отношения нужны были, а чтобы всё было по-твоему».

Потом поздно вечером раздался звонок в домофон.

- Вера, открой. Я знаю, ты не спишь.

Я выключила свет на кухне и стояла в темноте, глядя на трубку.

- Я не уйду, пока не поговорим.

- Никита, поздно.

- Мне плевать. Ты два года жила у меня. Я имею право хотя бы на разговор.

Я нажала кнопку, но не открыла дверь квартиры, пока он не поднялся. На этот раз цепочку не сняла.

Он выглядел взвинченным. Глаза красные, волосы мокрые от дождя.

- Ты специально меня унижаешь?

- Сейчас почти полночь.

- А мне, думаешь, легко? - он стукнул ладонью по косяку, не сильно, но я вздрогнула. - Я прихожу домой, там твои

полки пустые. Кружки нет. В ванной твой шампунь исчез. Ты как будто умерла для меня, понимаешь?

Я не знала, что на это ответить. Он впервые говорил не про квартиру. И это было бы трогательно, если бы следующим не стало:

- И ради чего? Ради принципа? Ради этой квартирки?

- Ради того, чтобы меня не продавливали.

- Да кто тебя продавил? - он почти зашипел от злости. - Я хотел семью. Я хотел нормальную квартиру. Ты вцепилась в наследство, как будто я чужой.

- Ты и показал, что чужой, когда назвал мою зарплату смешной и сделал объявление без меня.

Он закрыл глаза, потер рукой лицо.

- Я был зол.

- Я тоже. Но не выставила твою квартиру на продажу.

Он вдруг присел на корточки прямо у двери, устало опустил голову. С мокрых волос на пол падали капли.

- Вера, я без тебя не могу.

Раньше от такой фразы у меня всё бы сжалось. Я бы открыла дверь, налила чай, дала полотенце, а утром мы сделали бы вид, что почти помирились. Но в этот раз я смотрела на него через цепочку и понимала: он не говорит «прости, я был неправ». Он говорит «мне плохо, вернись и сделай как раньше».

- Никита, иди домой.

Он поднял голову.

- Значит, всё?

- Да.

- Ты ещё приползёшь, когда поймёшь, что одной тяжело.

Я закрыла дверь. Не хлопнула. Просто закрыла и повернула замок. Потом долго сидела на полу в коридоре, прислонившись к стене. За дверью было тихо. Через несколько минут слышала удаляющиеся шаги.

Утром я купила себе кофе навынос. Впервые за месяц. Маленький, самый обычный. Шла до метро под мелким дождём и держала стакан двумя руками, как заслуженную награду.

Работа постепенно вытянула меня. Не сразу. Бывали дни, когда я сидела над чертежом и ловила себя на том, что третий раз перечитываю одну и ту же пометку. Бывали вечера, когда хотелось написать Никите какую-нибудь глупость: «Помнишь, как мы потеряли мою заколку в Сочи?» Не чтобы вернуться. Просто потому что человек, с которым делил жизнь, не исчезает из привычек по щелчку.

Но потом пришёл большой проект.

Наше бюро получило заказ на реконструкцию старого особняка под частный культурный центр: лекционные залы, кафе, небольшая галерея, офисы. Объект был сложный, дорогой, со строгими сроками и заказчиком, у которого была своя строительная компания, несколько коммерческих объектов и характер человека, привыкшего, что его слушают.

Его звали Степан Орлов.

Я впервые увидела его на совещании. Высокий, в тёмном костюме, без лишней демонстрации денег, но было видно: вещи дорогие, люксовые часы, обувь идеальная даже после мокрой улицы. Он вошёл вместе с юристом и главным инженером, поздоровался со всеми, сел не во главе стола, а сбоку, открыл папку.

- Мне нужен не красивый альбом ради альбома, - он посмотрел на нашу команду внимательно, без нажима. - Мне нужно место, куда люди захотят возвращаться. И чтобы строители потом не проклинали дизайнеров.

Все засмеялись. Я тоже, тихо. Тогда он впервые посмотрел на меня.

Я вела часть по планировкам и рабочим зонам. На первом же обсуждении Степан заметил мою правку по лестнице.

- Это вы предложили развернуть вход в лекционный зал?
- Я, - я подвинула к нему лист. - Иначе на мероприятиях люди будут толпиться у гардероба. Здесь узкое место.

Он наклонился над планом.

- С точки зрения безопасности строения это реально сделать?

Главный инженер замаялся, начал говорить про несущие, согласования, сроки. Я показала второй лист, где уже набросала вариант с минимальным вмешательством.

- Вот так можно. Не идеально, но поток разведём.

Степан долго смотрел на чертёж, потом кивнул.

- Берём в проработку.

После совещания руководительница хлопнула меня папкой по плечу.

- Вера, молодец. Орлов просто так не кивает.

Я тогда не придавала этому значения. Мне было важно не понравиться Орлову, а не завалить первый большой объект. Я работала много. Приезжала на замеры, спорила с инженерами, сидела над схемами до ночи. Степан появлялся на объекте часто. Не как заказчик, который приехал покрасоваться в каске для фото, а как человек, который реально понимает стройку. Знал, где задержка по поставкам, кто сорвал график, почему нельзя экономить на материалах.

Однажды я стояла на втором этаже особняка с планшетом и пыталась объяснить подрядчикам, что розетки у стойки администратора не могут быть так высоко, надо чтобы их не было видно.

- Девушка, мы по старой схеме делаем, - бригадир устало тыкал пальцем в лист. - Нам другую никто не давал.

- Я отправляла обновление вчера в обед.

- Мне не приходило.

Я уже собиралась звонить нашему координатору, когда рядом остановился Степан.

- Виктор, если Вера отправляла обновление, значит, работаем по обновлению. Сейчас выясним, где потерялось. Переделывать за ваш счёт потом будет неприятнее.

Бригадир сразу стал спокойнее.

- Понял.

Степан повернулся ко мне.

- У вас есть письмо?

Я открыла почту, показала отправку. Он даже не взял телефон из моих рук, просто наклонился, посмотрел.

- Спасибо. Я разберусь.

Никакого «ну вы же девочка», никакого снисходительного «не волнуйтесь». Просто по делу. И это почему-то запомнилось.

Через пару недель он привёз на объект кофе для всей команды. Большой бумажный пакет, стаканы с наклейками, коробка с булочками.

- Не подкуп, - он поставил всё на временный стол из фанеры. - Просто вы сегодня с восьми утра здесь, а кафе рядом откроется только через час.

Мне достался капучино без сахара. Я удивилась.

- Вы запомнили?

- Вы три раза просили на совещаниях без сахара, - Степан пожал плечами. - Это не подвиг.

Я взяла стакан, и пальцы сразу согрелись.

- Для некоторых - почти подвиг.

Он улыбнулся, но ничего лишнего не добавил. И мне от этого стало спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.